

Сидѣлъ въ тѣни за барабанъ
И донесенья принималъ.
Окрестный дѣсь, какъ бы въ туманѣ,
Сиялъ въ дыму порохомъ,
А тамъ, вдали—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы—и Казбекъ
Сверкалъ главой острокопечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу,—онъ былъ
Кунакъ мой. Я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому название?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ—
А перевести на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти: вѣрно
Дано старинными людьми!»
— А сколько ихъ дралось примерно
Сегодня?—„Тысячъ до семи.“
— А много горцы потеряли?—

„Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?“
— Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,—
Имъ въ память этого дня провавай!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво,
И головою покачалъ...
Но я боюсь вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать: иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвеніи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденіи?
Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безыскусственный разговоръ
Развеселитъ, займетъ хоть малость,—
Я буду счастливъ; а не такъ,—
Простите мнѣ его, какъ жалость,
И тихо молитве: чудакъ!

1841.

Сказка для дѣтей *).

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ,
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упа-
докъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ,
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ],
и публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ—смѣшно жъ терять для звучныхъ
строфъ
Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.
Стиховъ я не читаю, не люблю
Марать, шута, бумаги листъ летучій;
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ римъ, какъ напримѣръ, на ю.
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебнo-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣгать;
Зато конецъ не будетъ безъ морали,

Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ, и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кипитъ огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона иного:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій
бредъ.

Богъ знаетъ, гдѣ завітная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно: c'est joli!..
Иль мышъ надъ ней старается въ пыли.
Но этого чортъ совсѣмъ иного сорта—
Аристократъ, и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню: розовыя шторы
Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Стѣдить ковра восточные узоры;
Приятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ
сонный.

Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисей подушекъ кружевныхъ,
Рисуетъ молодой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великій сатана,

*) По словамъ Висковатого, заглавіе не принадлежитъ Лермонтову.